

О. Н. Кузьменко (г. Санкт-Петербург)

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Борис Вильде и мать Мария: парижская топонимика в их жизни и их жизнь в парижской топонимике*

В статье рассматривается «парижский контекст» жизни двух русских литераторов-эмигрантов и участников французского Сопротивления Бориса Вильде и Елизаветы Кузьминой-Караваевой (матери Марии) и отражение их имен в топонимике Парижа.

Ключевые слова: топонимика, русско-французские отношения, Сопротивление

В топонимике самого Парижа и его «малого кольца» (la petite couronne), включающего три прилегающих к Парижу департамента (Hauts-de-Seine, Val-de-Marne, Seine-Saint-Denis) присутствуют имена двух русских литераторов первой волны эмиграции: это Борис Владимирович Вильде и мать Мария – Елизавета Юрьевна Скобцова (урожд. Пиленко, в первом браке Кузьмина-Караваева, во втором – Скобцова). Оба они были писателями, поэтами, критиками, но не эти аспекты их деятельности оказались значимыми при присвоении их имен городским объектам. И Борис Вильде, и мать Мария были активными участниками Сопротивления, бесстрашно действовавшими во время нацистской оккупации Парижа и принявшими героическую и мученическую смерть. В данной статье рассматривается «парижский контекст» их жизни, основные вехи их деятельности, связь топонимов, включающих их имя, с фактами их биографии.

Вильде Борис Владимирович (1908–1942) (псевдоним Борис Дикой) – литератор, этнограф, литературный критик, журналист, поэт, прозаик, участник французского Сопротивления.

В конце лета 1932 года Вильде приезжает в Париж (6, square Port-Royal, Paris (13^e)). Вскоре по приглашению Андре Жида он переезжает к нему и поселяется на мансарде в его квартире по адресу: 1 bis, rue Vaneau (7^e). Этот адрес сыграет известную роль в его знакомстве со своей будущей женой. Вильде даст объявление о занятиях французским языком в обмен на уроки русского. На это объявление откликнется Ирэн Лот, привлеченная прежде всего адресом, по которому проживает тогдашний кумир молодежи – Андре Жид, в надежде увидеть его. Между Борисом и Ирэн возникает серьезное чувство (позднее, в дневнике, который он вел в тюрьме, Борис запишет: «Эта встреча – величайшее событие моей жизни, решающий перево-

© Кузьменко О. Н., 2017

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: проект 17-44-93509 «Подготовка к изданию книги “Адреса русской эмигрантской литературы в Париже (от Адамовича до Яновского)”»

рот» [3, с. 75]). Они поженятся летом 1934 года. Так Борис Вильде войдет в семью родителей Ирэн: известного ученого-романиста Фердинанда Лота и его жены Мирры Ивановны Лот-Бородиной, дочери известного русского ботаника И. П. Бородина. Старый профессор и его супруга, всем сердцем принявшие своего зятя («Он был мне не зятем, а сыном...» – говорила М. И. Лот-Бородина), многое сделали для него, помогая и с работой, и финансово – в трудные для молодой семьи периоды. Семья Лот не только дала ему человеческое тепло и чувство семьи, но и внушила ему любовь к Франции. На суде на упрек в том, что он, не француз по рождению, воевал за эту страну против немцев, Вильде ответит словами Гете: «У всякого человека есть две родины: своя, а после нее – Франция» [2, с. 149].

Вильде заканчивает историко-филологический факультет Сорбонны и Школу восточных языков, специализируясь на японском языке. Свободно владея немецким и эстонским, хорошо зная французский, финский и японский языки, Вильде подрабатывает переводами. В эти же годы появляются его (правда, весьма немногочисленные) критические заметки в эмигрантской прессе [5]. Пишет он под псевдонимом Дикой – перевод немецкого слова «вильд», от которого произошла его фамилия [1, с. 135] – или подписывается инициалами Б. Д. Он много общается на Монпарнасе с молодыми поэтами, называя их «сплоченными отчаянием» [3, с. 22]. В. Яновский видит его в это время «здоровым, агрессивным, последовательно веселым, любящим мысль и устрицы, справедливость, вино, любовь и борьбу» [17, с. 174]. В какой бы компании он ни оказался – так было в школьные годы, так это происходит и сейчас – он становится ее душой, ее, как сказали бы сейчас, «неформальным лидером». Талантливый переводчик с английского языка Рита Райт-Ковалева, написавшая о Борисе Вильде книгу и прошедшая со скрупулезностью и увлеченностью исследователя по следам его жизни – шаг в шаг, встречавшаяся с людьми, помнившими его мальчиком, юношей, с его коллегами и членами его семьи, так говорит об этой черте характера Вильде: «Позже, на собраниях парижских поэтов, часто председательствовал, но совсем не выступал со стихами. Выступая же с докладами на ученых заседаниях, умел заставить себя слушать, говорил интересно, точно, содержательно. Дома всегда был ровен, приветлив, входил во всё, всё умел делать и делал охотно и незаметно. И при этом – до конца жизни – был жизнерадостен, весел, хотя смеялся редко, умел выпутываться из всяких передраг» [14, с. 46].

В 1935 году на площади Трокадеро возводят новый музей – Музей человека, исследования в котором велись в двух направлениях – антропологическом и этнографическом, и Вильде поступает туда на работу, он становится одним из основателей нового отдела – отдела Арктики и отдела культуры угро-финских народностей. От музея его направляют в этнографическую экспедицию в Печоры, тогда принадлежавшие Эстонии, – собирать материалы о малоизвестной европейским этнологам народности – сету, у которой сохранилось много интересных старинных обрядов и верований.

В конце декабря 1936 года Вильде с Ирэн переезжают в профессорский дом к родителям (53, rue Boucicaut, Fontenay-aux-Roses (департамент О-де-Сен (Hauts-de-Seine))).

А затем возникает ощущение, что жизнь стремительно и неумолимо набирает ход, спрессовывая в нескольких годах целую жизнь – полную, короткую, яркую. 1938 год: доклады, лекции, занятия в Сорбонне, работа в музее. 1939 год: командировка в Финляндию, оборванная военными событиями. Армия, «странная война». 1940 год: в июне в районе Франш-Конте Вильде вместе со своей частью попадает в плен. В июле бежит из плена и возвращается в Париж. Вместе со своими французскими коллегами из Музея человека, среди которых и его русский друг Анатолий Левицкий, Вильде создает так называемую «ячейку Музея человека» (Réseau du Musée de l'Homme), и именно он предлагает название для подпольной газеты – «Résistance». «Это были всего-навсего несчастные листочки, отпечатанные на ротаторе с обеих сторон, но они назывались “Сопrotивление”. Прекрасное слово, прекрасное безумие, прекрасная страсть...» [18, с. 81]. Так возникает понятие, давшее название французскому движению Сопrotивления. Семь месяцев длится героическая борьба. Но провокатор выдает их. Первым хватают Левицкого. В марте 1941 года – Вильде. Одиннадцать месяцев длится процесс. В тюрьме Вильде старается не падать духом: изучает греческий язык («Занятия греческим – прекрасный способ провести время» [3, с. 54]) и санскрит («Вот чем заполнено мое существование в надежде между жизнью и смертью!» [3, с. 99]), ведет дневник, пишет письма своим родным, много читает (Бергсон, блаж. Августин, Платон, Ницше, Спиноза, Паскаль, Гете, Монтень), размышляет об основополагающих понятиях бытия (любовь, смерть, бессмертие, «я»). 23 февраля 1942 года семь человек из «ячейки Музея человека», включая Вильде и Левицкого, расстреливают на Мон-Валерьян. Русские просят умереть последними и без повязок. Председатель немецкого военного суда Роскотен после суда сказал о Вильде его тестю Ф. Лоту: «Если бы он не был нашим врагом, я хотел бы такого человека иметь своим другом» [15, с. 75].

Посмертно Борис Вильде был награжден орденом Сопrotивления, а приказ о его награждении, подписанный генералом де Голлем, выгравирован на мраморной доске, висящей в вестибюле Музея человека. Его имя в ноябре 1944 года присвоили одной из центральных улиц (rue Boris Vildé) в Фонтене-о-Роз (Fontenay-aux-Roses, департамент О-де-Сен (Hauts-de-Seine)) – месте, где он был так счастлив, а в августе 2010 года – площади (mail Boris Vildé) в городке Обервилье (Aubervilliers, департамент Сен-Сен-Дени (Seine-Saint-Denis)).

Мать Мария (урожд. Пиленко, в первом браке Кузьмина-Караваяева, во втором – Скобцова, Елизавета Юрьевна (1891–1945)) – поэт, мемуаристка, публицист, участница французского Сопrotивления.

В Париж она прибывает в январе 1924 года со своим вторым мужем Д. Скобцовым, деятелем казачьего движения, тремя детьми (Гаяной, Юрием

и Анастасией) и матерью, С. Б. Пиленко – верной ее помощницей и надежной опорой во всех делах и начинаниях.

Первое время они живут в парижских пригородах Вильпре (Villepreux) и Медон (Meudon) [9, с. 520]. Жизнь, как и у всех вновь прибывших, очень трудна («Жили всей семьей, пять человек, на 15 франков в день. Я делала куклы, пошуары, работала 10–12 часов в сутки, слепла. Зарабатывала гроши» [10, с. 71–72]). Чуть легче стало жить после того, как Д. Скобцов сдал экзамен на шофера и начал работать водителем такси.

Еще в России у Кузьминой-Караваевой вышло два сборника стихов. В эмиграции увидели свет ее повести «Равнина русская» и «Клим Семенович Барынькин», осмысляющие драматические события Гражданской войны, автобиографические очерки «Как я была городским головой» и «Друг моего детства», посвященный К. П. Победоносцеву, мемуарно-философское эссе «Последние римляне», стихотворные пьесы-мистерии «Анна», «Семь чаш» и «Солдаты», биографии религиозных мыслителей С. Хомякова, Вл. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского «Жатва духа. Жития святых», многочисленные статьи публицистического и философско-религиозного толка (в газетах «Дни» и «Последние новости», в журналах «Новый град» и «Современные записки»).

Толчком к духовному перерождению послужила смерть от менингита ее младшей дочери Анастасии. Смерть девочки привела Е. Скобцову не к отрицанию Бога, как это случилось в юности, когда умер отец, а напротив, к ощущению своей связи с Ним, к осознанию своего материнства в более широком смысле, к ее духовному перерождению: «Мне стало ведомо новое, особое, широкое и всеобъемлющее материнство. Я вернулась с того кладбища (похорон дочери) другим человеком, с новой дорогой впереди, с новым смыслом жизни. И теперь нужно было это чувство воплотить в жизнь» [6, с. 53].

С 1927 года она начинает активно сотрудничать с РСХД (Русским студенческим христианским движением), а в 1932 году принимает монашеский постриг в церкви Свято-Сергиевского православного богословского института.

Она получает имя Мария в честь святой Марии Египетской от митрополита Евлогия и по благословению своего духовного отца протоиерея Сергея Булгакова. Но монашество ее необычное: она не уходит в монастырь, а остается в миру, чтобы помогать страждущим, каковых было немало среди русских эмигрантов («Сейчас для монаха один монастырь – мир весь», – поясняет она свою позицию о. Сергию Гаккелю [12, с. 48]).

К. Мочульский, критик и литературовед, впервые увидевший мать Марию на заседании открытого собрания Религиозно-философского общества на тему «Причины мирового безбожного движения» в редакции журнала «Новый град» (10, bld Monparnasse (15^e)), так описывает ее: «Она высокая, статная, легкая; круглое румяное лицо в черном апостольнике. Сквозь очки весело и насмешливо смотрят близорукие карие глаза» [10, с. 71–72].

В сентябре 1932 года м. Мария берет в аренду особняк в 7-м округе (9, Villa de Saxe (7^e)). Ее не пугает отсутствие стабильной финансовой поддерж-

ки, необходимой для выплаты арендной платы и содержания дома, она со свойственными ей бесстрашием и верой пускается в это предприятие: «Надо ходить по водам. Апостол Петр пошел и не утонул же. По бережку идти, конечно, верней, но можно до назначения не дойти» [12, с. 53]. О. Сергей Гаккель, описывая этот дом, отмечает полное отсутствие какой бы то ни было мебели: «Первые дни она спала на одеялах на полу. Подле нее стояла большая икона Покрова, осеняя ее сон. Груда телефонных справочников заменяла стул. Вначале не было ни электричества, ни газа» [12, с. 54].

В этом здании м. Мария основывает женское общежитие для женщин, находящихся в трудной материальной и жизненной ситуации. В 14 комнатах живут 25 человек, из которых часть оплачивает свое существование, а часть не имеет возможности внести даже половинную сумму. На втором этаже м. Мария устраивает церковь. Будучи художественно одарена, она сама расписывает стены и окна («витражи»), пишет иконы, вышивает облачение для священника.

Сама же она «ютится в закоулке за котлом для центрального отопления. Узкая железная кровать; дырка в полу заткнута старым сапогом – там живет крыса. «Пойдем ко мне, посидеть на пепле»», – так приглашает она к себе К. Мочульского, ставшего ее другом и сподвижником [10, с. 65]. Она видит свое предназначение не в уходе от мира, а в обращении к нему, желая создать новое братство людей среди тех, кто оказался выброшенным в эмиграцию. Свое представление о вкладе русских эмигрантов в дело спасения России она формулирует так: «Наша миссия – показать, что свободная Церковь может творить чудеса. И если мы принесем в Россию наш новый дух – свободный, творческий, дерзновенный, – наша задача будет выполнена. Иначе мы погибнем бесславно» [10, с. 65].

Вся хозяйственная деятельность лежит на ней, она не боится никакой физической работы: «Мать все умеет делать: столярничать, плотничать, малярничать, шить, вышивать, вязать, рисовать, писать иконы, мыть полы, стучать на машинке, стряпать обед, набивать тюфяки, доить коров, полоть огород. Она любит физический труд и презирает белоручек. Еще одна черта: она не признает законов природы, не понимает, что такое холод, по суткам может не есть, не спать, отрицает болезнь и усталость, любит опасность, не знает страха и ненавидит всяческий комфорт – материальный и духовный», – вспоминает К. Мочульский [10, с. 66–67].

Много времени м. Мария проводит в разъездах по Франции, навещая, просвещая, увещевая, вытягивая из беды русских людей, погрязших в пьянстве, наркомании, больных туберкулезом, заключенных в дома для умалишенных («страдающее эмигрантское дно», как назвал ее подопечных М. Цетлин [16, с. 450]).

Сострадание, жертвенность, действенная помощь – вот что доминирует в отношении м. Марии к этим конченным людям. Уже это потрясает как пример нравственного отношения к человеку, но еще более потрясает другое: в каждом из этих пропащих людей она искренне видит его Божествен-

ную сущность. И умалывается перед этим, благодарно ощущая свою «инструментальность»: «Бог сделал меня орудием, чтобы с моей помощью расцвели другие души» [10, с. 68].

Очень быстро выясняется, что здание на Вилла де Сакс не может вместить всех нуждающихся. И м. Мария находит новое здание – в пятнадцатом округе (77, rue Lourmel (15^e)), где она может кормить уже вместо двадцати пяти человек – сто. Трудности с поисками денег на аренду здания и на все задуманные предприятия не останавливают ее: «Я просто чувствую по временам, что Господь берет меня за шиворот и заставляет делать то, что Он хочет» [10, с. 69]. Дом на улице Лурмель оказывается спасением для многих десятков русских людей. Здесь открывается столовая для безработных (в день выдавалось до 100–120 обедов), воскресный культурный центр («Шаталова пустынь» в шутку называл дом на рю Лурмель о. Сергей Булгаков). Мать Мария так описывает его: «В доме просторно, но пыльно, грязновато, убого, невзрачно, но всё искупает теплое чувство укрытости, упрятанности, приятной скупенности в спасительном Ноевом ковчеге, которому не страшны волны грозной житейской стихии: с ужасом просроченной квартирной платы, безденежья или уныния безработицы; тут можно переждать, передохнуть, как-то временно отсидеться, пока не станешь на ноги» [8, с. 150]. Конюшню, находящуюся во дворе дома, преобразуют в церковь, для иконостаса которой м. Мария вышила «Тайную Вечерю» над Царскими воротами хоругви.

Чтобы прокормить всех нуждающихся, м. Мария каждое утро на рассвете идет на главный городской рынок (les Halles, знаменитое «чрево Парижа», описанное Золя), где ей отдают не распроданный за ночь товар: обрезки мяса, кости, попорченные овощи, подгнившую капусту. А вернувшись домой, она спускается в подвал, обрабатывает принесенные с рынка продукты, месит тесто, готовит обеды. И при этом, как отмечает ее современник, «она была бодра, интеллигентна, сердечна» [13, с. 138].

В 1935 году м. Мария с единомышленниками основывает объединение «Православное дело» (название предложено Н. Бердяевым). О. Сергей Гаккель поясняет его название: «Объединение должно являться выражением Православия; оно должно заниматься делом. Среди основателей находились философ (Бердяев), богослов (Булгаков), историк (Федотов), литературовед (Мочульский) и поэт (монахиня Мария); тем не менее, на первом месте должно было стоять скромное, упорное, практическое дело» [12, с. 86]. Задачу этого объединения сама м. Мария видела в том, что ««Православное дело» работало одновременно в двух направлениях: оно «спасало человека – от голода, бездомности, одиночества; и оно спасало личность – от возможности потерять себя» [7, с. 129].

Помимо женского общежития на рю Лурмель, «Православное дело» включало в себя:

– мужское общежитие (74, av. Felix Faure (15e)), главная часть пансионеров – шоферы, постоянно проживало 12 человек, столовалось до 20 человек;

– смешанное общежитие (43, rue François Gérard (16e)), где проживало до 40–50 человек;

– дом отдыха для выздоравливавших (26, avenue (ныне Impasse) Chilperic Noisy-Le-Grand (департамент Seine-Saint-Denis), здесь последние годы своей жизни провел К. Д. Бальмонт;

– а также: миссионерские курсы, воскресные собрания, лекторская группа, две четверговые школы для детей, посещение больных на дому, посещение госпиталей и погребение умерших [13, с. 133–135].

Поразительно, но, несмотря на свою ежедневную и ежечасную занятость, м. Мария продолжала писать стихи (И. Голенищев-Кутузов шутливо заметил: «Так схима не спасет Скобцову / От поэтических грехов» [4]). В 1937 году в Берлине выходит ее сборник «Стихи».

В 1939 году священником в церковь на рю Лурмель назначен о. Дмитрий Клепинин, который с большим пониманием и сочувствием относится к деятельности м. Марии, поддерживает ее морально и духовно. Когда начинается Вторая мировая война, жизнь становится еще труднее и дел прибавляется.

После печально знаменитой облавы «Вель д’Ив» (rafle du Vel’ d’Hiv’ – серия массовых арестов евреев в июле 1942 года, помещенных на зимний велодром в центре Парижа), м. Мария начинает помогать не только русским, но и евреям: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос», – утверждает она [10, с. 75]). Ей удается пробраться на велодром и спасти жизнь четырем еврейским детям, которых вынесли в мусорных баках. Вместе с о. Клепининым они выдают фальшивые свидетельства о крещении евреям, что спасло жизнь еще многим десяткам людей. Центр на рю Лурмель становится частью движения Сопротивления.

8 февраля 1943 года гестапо нагрнуло на рю Лурмель и арестовало в качестве заложника сына м. Марии Юрия Скобцова. На следующий день арестовывают м. Марию и о. Дмитрия Клепинина. Оттуда Юрия Скобцова и о. Дмитрия Клепинина отправляют в Бухенвальд, где оба погибли в 1944 году, а м. Марию – в женский лагерь Равенсбрюк.

Она проведет в нем два года, став духовной опорой многим и многим узникам: «Она никогда не бывала удрученной, никогда. Она никогда не жаловалась. <...> Она взяла нас под свое крыло. Мы были отторгнуты от наших семейств. Она же в каком-то смысле заменяла нам семью» [12, с. 150–151].

Мать Мария была казнена в газовой камере и сожжена 31 марта 1945 года, накануне Пасхи и за месяц до окончания войны.

16 января 2004 года монахиня Мария была канонизирована (сбылось пророчество В. Яновского, высказанное им за четверть века до этого знаменательного события о м. Марии: «Надеюсь, через положенное число лет будет признана святой русской церкви, на чужбине просиявшей...») [17, с. 279]. А 31 марта 2016 года, в годовщину гибели м. Марии, в Париже в честь нее названа улица (rue Mère Marie Skobtsov) в 15-м округе, она примыкает к улице Лурмель, где находилось «Православное дело».

Закончить рассказ о матери Марии хочется словами о ней профессора Женевского университета Ж. Нива: «Личность парадоксальная, многосложная, вызвавшая острые споры, но и цельная, дошедшая до конца, осуществившая себя в мере, редко кому дарованной... Она полностью принадлежит двадцатому веку. Как поэт, как художник, сопричастный миру искусств предреволюционной эпохи, как матрос на борту “корабля сумасшедшего”, как эмигрант, как страстный искатель правды, как пепел в трубе крематория Равенсбрюка» [11, с. 9].

Таким образом, духовный подвиг наших соотечественников – героизм Бориса Вильде и подвижничество матери Марии – нашли отклик в сердцах французов и побудили их включить имена этих героев Сопротивления в парижскую топонимику, дав их имена городским объектам, с которыми была связана жизнь и деятельность этих русских эмигрантов.

Примечания

1. Бахрах А. Герой без кавычек // Бахрах А. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж, 1980.
2. Бедарида Ф. «Свет, просвещающий смерть...» // Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы 1941–1942. М.: Русский путь, 2005.
3. Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы 1941–1942. М.: Русский путь, 2005.
4. Голенищев-Кутузов И. Благодарю, за все благодарю: Собрание Стихотворений. Дополнение. Эпиграммы (1929–1969). Парижские (1929–1932). [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/golenishchevkutuzov_ilya/blagodaryu_za_vsyo_blagodaryu_sobranie_stihotvoreniy.html#0
5. Дикой Б. Рецензия: Стефан Георге // Встречи. 1931. № 1 (январь). С. 34–35; Б. Д. «Незнакомка» Рильке // Числа. Париж, 1933. № 9. С. 187.
6. Кривошеина К. И. Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая. СПб.: Искусство-СПБ, 2004.
7. Линник Ю. В. Мать Мария // Вестник РХД. Париж; Нью-Йорк; М., 1991. № 161(1).
8. Манухина Т. Монахиня Мария: К десятилетию со дня кончины // Новый журнал. 1955. № 41. С. 150. – Цит. по: О. Сергей Гаккель. Мать Мария. Материалы по истории церкви. Кн. 2. М.: Всецерковное православное молодежное движение, 1993. С. 58.
9. Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева, Е. Ю.). Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М.; Париж: Русский Путь; Книжница; Утса-Press, 2012.
10. Мочульский К. Монахиня Мария (Скобцова) // Третий час. 1946. Вып. I.
11. Нива Ж. Второе предисловие. «И до конца надо мне обнищать» // Кривошеина К. И. Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая СПб.: Искусство-СПБ, 2004.
12. О. Сергей Гаккель. Указ. соч.
13. Плюханов Б. Объединение «Православное дело» // Вестник РХД. Париж; Нью-Йорк; М., 1991. № 161(1).
14. Райт-Ковалева Р. Человек из музея Человека. Повесть о Борисе Вильде. М.: Сов. писатель, 1982.
15. Ставров П. Борис Вильде. Русские герои французского Сопротивления // Ставров П. На взмахе крыла. Одесса: ВМВ, 2003.
16. Цетлин М. Монахиня Марии. Стихи // Петрополись. 1937. № 66.
17. Яновский В. Поля Елисейские. История «незамеченного поколения» русского зарубежья. М.: Астрель, 2012.
18. Martin-Chauffier S. A bientôt quand même. P., 1976.